

Улица Байхуа, на которой расположен «Павильон Чунфэн», считалась самым роскошным местом в округе Синьянь, где часто собирались литераторы и элегантные гости. После переулка Хутон толпа становилась все более шумной, было много карет и лошадей. Вдоль улицы выстроились в ряд рестораны и винные дома. По сравнению с западной частью города, где все настолько обшарпанное, что слезы на глаза наворачиваются, это место выглядело по-настоящему богатым и процветающим.

На всей улице здание «Павильона Чунфэн» было самым внушительным. Над входом висела большая золотисто-красная табличка с яркой надписью, выполненной почерком бывшего ученого. Несколько официантов стояли у дверей, приветствуя гостей. Один из них увидел Юй Цзинь Няна и Цзи Хуна и с улыбкой поздоровался.

Те, кто обслуживает людей, всегда держат нос по ветру. Недавно Юй Цзинь Няна расстроил молодого мастера, но если бы это было всерьез, молодой хозяин давно бы его выгнал. В последние несколько дней он просто дулся, но не отдавал никаких приказов. Он даже отправил приглашения, как обычно. Маленький официант был настолько умен, что думал про себя, кажется, что этот маленький босс Юй в фаворе у молодого хозяина, поэтому он открыл рот, чтобы польстить:

- Я уж думал, что господин Юй не придет. Скорее проходите внутрь, уже час назад здесь собралось много народу. У нас есть новый чай Гуаха, он так хорошо пахнет, я принесу вам чайник!

Чай Гуаха - это разновидность чая Пуэр, который выращивается в Юньнани после сезона дождей. В это время сухая долина посреди гор наполняется живительной влагой, вбирая ясный и освежающий солнечный свет. Нежные листья чая слегка покрыты белым пушком, и стоит только взять щепотку, заварить кипятком и наполнить чашку, чтобы ощутить полноту аромата. По вкусу он немного легче, чем первый весенний чай, но его аромат также чист и элегантен, не слишком сильный, не слишком резкий, как свежий ветерок, дующий из небесной долины.

В здании «Павильона Чунфэн» раздавались звуки музыки, но слышна была только мелодия, самих музыкантов не было видно, их скрывала шестистворчатая ширма с изображением цветов и птиц. Это были хрупкие юные девушки, держащие на коленях пипу и лютию и поющие чистыми голосами.

Сегодняшняя обстановка в ресторане также сильно отличалась от той, что была в прежние времена. Если в прошлом «Павильон Чунфэн» был самым публичным и светским рестораном, то сегодня он выглядел как самый простой и элегантный чайный дом.

В зале было несколько высоких столов и диванов, как места отличия статуса. Самые уважаемые люди сидели на втором этаже на диванах у окна. Они собирались вокруг нескольких маленьких столиков, смотрели на улицу, наслаждаясь видом, пили чай и читали стихи. Остальные, менее именитые литераторы, которые в основном были здесь ради количества, собирались по двое и по трое вокруг низких столов внизу, выражая невольную подавленность.

Как только они вдвоем вошли в дверь, несколько взглядов обратились к ним, но не к Юй Цзинь Няну, а к Цзи Хуну, который шел следом.

Круг литераторов невелик, все они - самопровозглашенные, благородные люди с лицом, которое не желает кланяться сильному мира сего, но с сердцем, полным бессмысленных сплетен - в округе Синань никогда не было такого персонажа, как Цзи Хун. И неважно, насколько он был талантлив, одна только его аура затмила всех остальных.

Но после серии перешептываний никто не узнал Цзи Хуна. Видя, что они не могут ничего о нем узнать, они обратили внимание на Юй Цзинь Няна, который выглядел незначительным рядом с ним.

Кто-то узнал его:

- Это не тот ли молодой врач, которого недавно приглашала семья Ян?

Возможно нахождение рядом с Цзи Хуном бросало на Юй Цзинь Няна немного аристократичного блеска. Остальные взглянули на него и улыбнулись в знак согласия:

- Так и есть. Он действительно обладает аурой божественного доктора, как юный ученик небожителя.

Только тогда Юй Цзинь Нян поднял голову и обмахнулся простым веером, который подписал ему Цзи Хун, и услышал, как они пьют чай и смеются:

- Тогда тот, кто рядом с ним, - настоящий небожитель.

- ... - конечно же, это стандартная концовка. По сравнению с Цзи Хуном, разве он не просто удачливый мальчик? Аура божественного доктора, которую узрели все эти литераторы, была передана ему Цзи Хуном.

Маленький официант повел их в угол верхнего этажа. Часть зала была отгорожена простой ширмой из вуали, из-за которой виднелись розовые юбки маленьких музыкантш. На низком квадратном столе лежало два набора книг, заполненных пейзажами, набор чайных чашек цвета лотоса, глазированных снежинками, и ароматическая палочка из листьев бамбука. Стол был накрыт простым столовым покрывалом, с которого свисали кисточки.

Когда Юй Цзинь Нян увидел, что это низкий стол, у него сразу же заболела голова. Он с завистью посмотрел на людей, сидящих за высоким столом. Когда он снова оглянулся, то увидел, что Цзи Хун уже сидит прямо. Его ботинки были аккуратно сложены на низком постаменте. Или это не следует называть «сидением», скорее коленопреклонением - колени согнуты, ягодицы прижаты к пяткам, одежда спереди и сзади аккуратно разглажена, грудь и спина прямые, гордые, но не высокомерные, что делало Цзи Хуна похожим на горшок с

недавно посаженной зеленой сосной.

Возможно, официант нашел для них такое место с намерением польстить им, но Юй Цзинь Нянь не мог вынести такого сыновнего благочестия. Посидев минуту или две, поджав ноги, он почувствовал себя очень неуютно. Он извивался и поворачивался, как вьющийся цветок.

Цзи Хун бросил на него взгляд:

- У по телу ползают червяки?

Юй Цзинь Нянь никогда раньше не подвергался такому наказанию. Вместо того, чтобы заставлять его так сидеть на коленях, лучше бы сказали, чтобы он шел на заднюю кухню и мыл посуду. Поэтому, когда он услышал, как Цзи Хун смеется над ним, он даже не захотел пререкаться. Он сгибался все сильнее и сильнее и сказал с грустным лицом:

- Это червяк. И большой! Прикоснись к нему и посмотрим, не откусит ли он тебе ногу!

Он смеялся над собой, но Цзи Хун действительно протянул руку и коснулся его. Почесав его поясницу, он сказал:

- Это действительно червяк. Просто позови кого-нибудь, чтобы его избили.

- ... - Юй Цзинь Нянь потерял дар речи и в гневе махнул рукой. Но перед ним был Цзи Хун, спокойный, как ветерок, и элегантный, как магнолия, как он мог опозориться перед ним? Поэтому он снова пожал плечами и изо всех сил постарался выпрямиться.

Цзи Хун поджал губы в улыбке, видя, что он сидит так, будто отбывает наказание, и сказал:

- Просто сядь, как тебе удобно, не ломай себе ноги.

Для Юй Цзинь Няня эти слова прозвучали как амнистия. Он улыбнулся и вытянул ноги из-под своего тела, согнув одну в колене, а другую свесив в края дивана.

Официант принес свежесваренный чай пуэр и две небольшие тарелки со сладкими закусками. Когда он увидел Юй Цзинь Няня, сидящего как деревенский парень, на его лице невольно появилось выражение отвращения. Но эта мысль только-только пришла ему в голову, как он заметил, что дворянин рядом с ним постукивает кончиками пальцев по столу и холодным жестом развернул ладонь наружу.

Это был жест, который официант видел уже много раз, жест недовольства гостя, говорящий ему, чтобы он уходил и не возвращался. Такой поворот кисти и взмах руки был жестом высокомерия благородной семьи. Поскольку он не был уверен в личности Цзи Хуна, он сразу

же очень встревожился. Склонив спину и сделав несколько шагов назад в страхе, официант обошел ширму с улыбающимся лицом, не решаясь подойти и сказать больше.

Юй Цзинь Нянь пробовал закуски одну за другой, как будто проверял результаты. Какое тесто слишком слоистое? Какая начинка слишком сладкая? Он отмечал их все в своем сознании, чтобы он мог принести их обратно на кухню и объяснить все недочеты. Через некоторое время, когда ему надоело сидеть, скрестив ноги, он вытянул их и протянул под низкий столик в направлении Цзи Хуна.

Цзи Хун не проявлял никакого интереса к сборищу так называемых литераторов. Он просто пришел посидеть с молодым человеком, поэтому спокойно листал книгу среди всей этой суматохи. Это было собрание двух мудрецов, которое могло бы усыпить Юй Цзинь Няня. Он не мог не вспомнить серьезное выражение лица юноши, когда он пролистывал книги. В любом случае, он перелистывал страницы, но не читал их.

Цзи Хун погрузился в раздумья, как вдруг почувствовал, что живое существо просунулось под подол его одежды. Он опешил и протянул руку, чтобы поймать его. Это оказалась ступня стройной ноги, завернутая в тонкие белые носки.

Юй Цзинь Нянь просто искал место, где можно расслабить ноги, но в этот момент кто-то внезапно схватил его за ногу. На мгновение он был поражен и подсознательно оглянулся. Когда он увидел, что их никто не заметил, он немного расслабился, но все еще был в панике. Он попытался отвести ногу назад, боясь, что кто-нибудь увидит, и сказал слабым голосом:

- Ты... будь внимательнее... - он хотел сказать что-то более строгое, но когда слова дошли до его губ, это вышло как незначительная жалоба.

- Эй...! - Юй Цзинь Нянь попытался окликнуть его, но вдруг замер на месте.

Рука, лежавшая на подъеме его ступни, медленно опустилась немного вниз и взялась за маленькие круглые косточки, выступающие по бокам лодыжки. Он не двигался, потому что почувствовал зуд, не явный зуд, как от укуса комара, а смутное покалывание, которое пробежало вдоль кости.

Он вспомнил молодую пациентку из своей прошлой жизни, которая пришла с болью в спине, и он как обычно предложил провести пальпацию. Пациентка, смущаясь, попросила его быть помягче, сказав, что у нее чувствительная поясница, которую нельзя трогать другим, и что когда к ней прикасаются, она напрягается и чувствует зуд.

В то время он не понимал этого чувства и думал, что пациентка просто преувеличивает. Теперь, когда Цзи Хун гладил его ногу, его внезапно охватило похожее ощущение. Это было очень новое чувство, которое будоражило сердце и ум.

Юй Цзинь Нянь опустил голову, чтобы тайком взглянуть на Цзи Хуна. Тот все еще держал книгу

одной рукой с довольным выражением лица. Если бы не разложенный подол его ханьфу и тонкие кисточки, свисающие со стола, никто бы не догадался, что сидящий напротив элегантный джентльмен делает такую «неприглядную» вещь и трогает чью-то лодыжку.

Одежда нефритового цвета подчеркивала светлое лицо и чистую кожу Юй Цзинь Няна. К покрасневшим уголкам глаз добавился румянец и он выглядел так, будто над ним издевались. Цзи Хун поднял глаза и передал книгу Юй Цзинь Няну. Он слегка наклонился вперед, указал на строчку в книге и спросил:

- Как бы ты это прочитал?

Это было старое стихотворение из прошлого, но сердце Юй Цзинь Няна было не на месте. Его нога застряла в руке Цзи Хуна. Сначала ему все еще было любопытно это чувство, но потом зуд в ступне заставил всю ногу дрожать. Он глазами умолял Цзи Хуна отпустить его.

Пальцы Цзи Хуна ущипнули углубление под круглой косточкой его лодыжки, и он настойчиво спросил:

- Как ты читаешь это слово?

Юй Цзинь Няна было так некомфортно, что он сглотнул и был вынужден поспешно взять книгу, внимательно сосредоточившись на тексте, и тихо прочитал:

- Гуси в облаках и рыбы в воде... Мне так грустно из-за этого... хм... трудно отправить? Ну же, отпусти меня скорее...

Цзи Хун снова спросил:

- Что это значит?

Юй Цзинь Няна не знал. Он посмотрел вперед и прочитал еще одну строчку. Он увидел, что это были «Записки на красной бумаге»*.

Он был ошеломлен. Это была поэма тоски, лирики и эротизма! Какая еще тоска, какие гуси и рыбы? Для кого написана эта поэма?

Он закрыл книгу и бросил ее обратно в руки Цзи Хуна.

- Я не могу прочитать! - смущенно сказал он.

(*Это поэма, написанная Янь Шу, поэтом династии Северная Сун. В первой части главный

герой подробно рассказывает о своем сердце в письме, но отправить его некуда. Эта поэма изящно сформулирована, искренняя по смыслу и тонкая по лиризму)

- Ты действительно не можешь его прочитать? - с улыбкой спросил Цзи Хун.

Юй Цзинь Нян засунул небольшой кусочек выпечки в рот, притворяясь, что у него нет времени вступить с ним в разговор, а затем попытался снова убрать свои ноги.

Двое мужчин сражались под столом, как вдруг за ширму вошел молодой человек. Он выглядел как ученый и держал в руках книгу. Он вошел и слегка поклонился. Ему показалось, что он слышал, как они говорили о поэме «Записки на красной бумаге», поэтому пришел обсудить с ними это стихотворение.

Хотя он говорил об обсуждении, говорил только он сам, разливаясь в бесконечном монологе, не обращая внимания на холодный взгляд Цзи Хуна.

Закончив свое многословие, молодой ученый улыбнулся Цзи Хуну и сказал:

- Я был так сосредоточен на обсуждении поэзии, что забыл представиться, я Янь Жун... Могу я узнать, как вас зовут, Тайфу*?

(ПП: Тайфу относится к этикету первой встречи с людьми в старые времена, то есть спрашивают не только фамилию, но и ее правописание. Называть только имена при общении с людьми было грубо.)

Разговор отвлек внимание Цзи Хуна, и Юй Цзинь Нян, наконец, забрал свою ногу. Приятная атмосфера хорошего общения с юношей была разрушена этим болтуном, который разговаривал сам с собой. Цзи Хун был очень неуважителен и ответил:

- Сельским жителям это знать ни к чему.

- ... - Янь Жун сказал так много, но был отвергнут одним предложением Цзи Хуна. Казалось, что он прижал свое горячее лицо к холодной заднице*, и его лицо почернело. Он вздохнул и опустил глаза, случайно заметив шорох под низким столиком. Тонкая нога юноши выбралась из-под одежды красивого джентльмена и отступила, и он смутно увидел, что белые носки наполовину сползли и трагически висели на подъеме стопы.

(ПП: прижать свое горячее лицо к холодной заднице - идиома, означает получить холодное отношение в ответ на свое искреннее радушие)

Он был так удивлен, что забыл, что собирался сказать до этого, лишь уставился на белые носки, которые Юй Цзинь Нян долгое время не мог спрятать. Затем он вспомнил стихотворение, которое они обсуждали ранее. Что они там говорили о «Записках на красной

бумаге»?

Эти двое пользовались заслуженным уважением. Он слышал, что младший из них - известный местный врач, а не продажный актер. Второй тоже похож на порядочного человека, ученого. Удивительно, что на самом деле... он вдруг понял, и его уши и щеки покраснели от стыда на месте. Он только почувствовал, что от белого цвета у него болят глаза, поэтому просто плюнул, отбросил рукава и ушел.

Только когда он вышел, Цзи Хун тепло сказал:

- Надень носки, - носки были случайно сорваны им, когда юноша боролся за свою ногу.

Юй Цзинь Нянь ойкнул и тайком натянул носки:

- Не делай так в следующий раз...

Цзи Хун только рассмеялся.

Когда Янь Жун вернулся на свой диван, там уже сидели трое молодых мастеров с такими же высокомерными лицами. Одним из них, естественно, был молодой хозяин «Павильона Чунфэн», Цзян Бингжен. Когда он увидел, что Янь Жун был зол и вернулся с наполовину красными ушами, он понял, что тот потерпел поражение от Юй Цзинь Няня и тайно рассмеялся.

Только что эти люди спросили его о господине Цзи. Семья Цзян имела поверхностные отношения с семьей Янь, и они слышали, что он, вероятно, был большой шишкой, настоящим дворянином. Хотя было неясно, что он собой представляет, но в любом случае, он был не таким, как отец Янь Жуна, мелкий чиновник, который пробирался в верхние эшелоны иерархии с помощью оппортунизма и лести. Между ними была огромная разница. Он уже советовал Янь Жуну не ходить туда, чтобы добиться его расположения, но тот не послушался, поэтому и набрал полный рот льда.

Цзян Бингжен пил свой чай и в шутливой манере размахивал своим золотым шелковым веером. Высокий господин в их группе, который хорошо знал Янь Ся Жуна, налил чай и фамильярно спросил:

- Сяо Жун, о чем вы говорили?

Янь Жун ничего не сказал. Мужчина снова засмеялся и спросил:

- Ты же должен был хотя бы спросить его имя, верно?

- ..., - когда Янь Жун подумал об этом, он представил, чем они занимались под столом. Молодой

человек выглядел так, словно его ботинки и носки были сняты только наполовину. Кто знает, в каких невыразимых местах его ноги были под подолом одежды! Если они так безрассудны среди бела дня, трудно представить, насколько грязными они были в темноте!

Со стороны казалось, что они - хорошие люди, и их манеры лучше этих столичных пижонов, но все же они поддались разврату. Он снова оглянулся и увидел за ширмой две размытые тени, расположенные близко друг к другу. С ненавистью и ужасом он выпалил:

- Фу... противно!

Цзян Бингжен был озадачен. Почему он сделал этот неприятный комментарий? Не может же быть, чтобы господин Цзи приставал к нему? Если подумать, из того, что он увидел в лапшичной, скорее всего господин Цзи приставал к мастеру Юю и его поймал Янь Жун.

Говорили, что Янь Жун отличается от своего отца. Он презирает разврат и ненавидит быть подлецом. Среди сегодняшней аудитории есть много поэтов, которые более известны, чем его отец, но ни у кого не было более высокого служебного положения. Вот почему никто не хотел возражать ему, наоборот, все стремились ему угодить. Даже окружной судья привел своего сына, чтобы подружиться с ним.

Цзян Бингжен поднял руку, подозвал к себе мальчика, который разливал чай, и прошептал несколько слов. Мальчик кивнул и принес из подсобки поднос с чаем, а затем отнес его за ширму. Два джентльмена сидели рядом друг с другом на диване и читали стихи, а низкий столик был отодвинут в сторону.

Тот, что поменьше, отломил кусок печенья в виде цветка лотоса и покусывал розовое тесто белыми зубами. Это выглядело послушно и кокетливо. Взглянув на него, официант опустил голову, предложил тарелку с закусками и шепнул Цзи Хуну:

- Наш молодой господин хотел бы напомнить вам, - он указал на ширму в направлении Янь Жуна, - Это старший сын военного министра.

Цзи Хун перевернул страницу для Юй Цзинь Няна и небрежно сказал:

- Сын Янь Чжи? Если он так плохо изучает свои книги, как он вообще сюда попал?

Маленький официант сильно потел - этот человек был всего в семи или восьми шагах от Яна Жуна и называл военного министра по имени. Похоже, он также хорошо знал самого Янь Жуна и то, что тот занимал пост школьного директора. Официант проглотил слюну и сказал:

- Он сказал, что вернулся, чтобы отпраздновать день рождения старой госпожи.

- Понятно, - Цзи Хун махнул рукой и отослал мальчика.

Официант еще не успел отвернуться, как услышал позади себя нежный голос:

- Не ешь эту закуску всухомятку. Выпей еще чаю.

По его спине поползли мурашки, и он быстро убежал. Не осмелившись ничего добавить к этой истории, он честно доложил обо всем Цзян Бингжену. Цзян Бингрен тоже замер. Он должен был поднять статус Цзи Хуна в своем сознании еще на несколько ступеней. Он не был любопытен, просто потряс своим веером и сказал:

- Цзи Гунцзы такой. Он равнодушен ко всем остальным, только к брату Сяо Няну относится как к сокровищу.

- О? Его фамилия - Цзи? - спросил высокий джентльмен, - Как его зовут?

Цзян Бингжен сказал:

- Знаю только, что его имя - Хун, кто знает, правда это или нет, возможно, оно было выдумано наугад...

С грохотом чашка Янь Жуна упала на землю.

Высокий джентльмен рассмеялся:

- Что случилось, директор?

Янь Жун о чем-то задумался. Ему было наплевать на всех. Высокому джентльмену стало скучно и он посмотрел на золотой шелковый веер в руке Цзян Бингжена:

- Это новый веер? Я вижу, что вы так дорожите им. Вы держите его в руке каждый день. Это подлинная работа Принца Цин Луаня?

Цзян Бингжен гордо выпятил грудь:

- Конечно! Он из столичного павильона сокровищ, как он может быть поддельным?

Высокий господин был заинтригован и обратился к нему:

- Господин Цзян видел этого человека?

Цзян Бингжен на мгновение смутился.

- Это, это не ... - он поспешно сменил тему, чтобы разрядить обстановку, и спросил Янь Жуна. - Я думал, что этот человек появится на поэтическом конкурсе Цин Луань в этом году. Так в итоге, поехал он или не поехал? Брат Янь, ты много знаешь в столице. Как на самом деле выглядит этот Принц Цин Луань?

Высокий господин также посмотрел на Янь Жуна и наострил уши в предвкушении. Лицо Янь Жуна было очень взволнованным, он на мгновение сжал губы, а затем снова приоткрыл рот в ошеломлении. За это время он даже оглянулся на фигуру за ширмой.

Цзян Бингжен с любопытством сказал:

- Почему ты всегда смотришь на них, брат Янь?

Высокий мужчина подумал, что Янь Жун все еще расстроен из-за холодного отношения, которое он только что получил, поэтому он поспешил польстить ему. Он самодовольно усмехнулся и сказал:

- Верно, он родился мужиком, но только и знает, как совать свою палку другим мужикам в задницу. Это настолько грязно, что он стыдится показаться людям на глаза.

В те времена это не считалось странным. Для чиновников содержать любовника - дело вкуса и забавы. Но если кто-то на самом деле решит жить с женщиной, это будет считаться нарушением человеческой этики и отвергнуто обществом. Ни господин Цзи, ни господин Юй не были похожи на растлителя малолетних или продажного актера. Вполне естественно думать о последнем.

Но эти слова были настолько вульгарными, что даже Цзян Бингжен счел это оскорбительным. Он закрыл половину лица своим веером и опустил голову, чтобы выпить чай.

Но Янь Жун, который должен был больше всех ругать Цзи Хуна, внезапно побледнел и поставил новый чай, который только что принесли слуги, на стол. Он выругался:

- Заткнись! Что это за выражения? Это оскорбительно!

Высокий джентльмен был ошеломлен:

- Почему ты сердишься на меня...?

Цзян Бингжен моргнул. Он увидел, что между ними вот-вот вспыхнет пожар, и заговорил, чтобы разрядить обстановку:

- Давайте не будем говорить о неприятных вещах. Брат Янь, расскажи нам больше о Цин

Луане. Нам всем интересно!

Это действительно слишком большое совпадение. Янь Жун действительно знал о Принце Цин Луане. И не только это. Он также знал, кто такой Цин Луань. Но... он снова посмотрел на ширму и его охватили сомнения.

Он сухо сказал:

- Я его не видел. Я не был там в этом году.

Высокий джентльмен, впавший в уныние, мрачно рассмеялся и сказал:

- Даже такой знающий ученый, как школьный директор может не знать пару вещей.

Янь Жун был гордым человеком, ему очень не нравилось, когда его высмеивают другие. Но на этот раз на кону голова Принца Цин Луана! Ему пришлось проглотить свой гнев. В конце концов, о том, что Принц Цин Луань был младшим сыном Ли Го Гуна, Цзи Шу Луанем, молчал даже император. Как это могло просочиться из его уст ради хвастовства?

Об этом знало много людей, но большинство из них были высокопоставленными лицами и дворянами под руководством одного человека. Эту историю распространяли только среди знатных семей.

Младший сын семьи Ли Го Гуна был очень талантлив, но при этом настолько замкнут и равнодушен, что редко выходил из дома. Это было общеизвестно среди императорского двора. Некоторые из старых министров, приближенных к Ли Го Гуну, часто подшучивали над ним, говоря, что он вырастил сына, как дочь.

История о Цин Луане действительно прозвучала из уст императора. Это было во время семейного банкета императора. Он пригласил всех своих министров и новых высокопоставленных лиц. Его отец, Янь Чжи, также был достаточно удачлив, чтобы получить приглашение. Во время банкета, когда он встретил господина Цзи, некоторые говорили о его младшем сыне, который был таким мягким и нежным. Присутствовал также второй сын министра Мина. Сын Неба был в приподнятом настроении, а когда он был в приподнятом настроении, он позволял себе лишнее. Он улыбнулся и спросил Мин Сюэфэя:

- Сюэфэй, то пари, которое ты заключил со мной, все еще в силе? Скоро состоится поэтический конкурс Цин Луань. Если мальчик из семьи Цзи Го Гуна все еще откажется появиться, тебе придется прийти во дворец, чтобы переписать для меня Священные Сутры!

Только тогда все поняли, что всемирно известный «Принц Цин Луань» на самом деле был создан вторым сыном семьи Мин, Мин Сюэфэем, который позаимствовал стихи младшего сына семьи Цзи и придумал этот образ за его спиной.

Когда император закончил говорить, он слегка стукнул себя по голове и пьяно укорил себя:

- О, я пьян, притворись, что не слышал меня! Бессмысленно было это говорить!

Пьяные слова императора были также священными указами, и никто не смел распространять их без разбора, но каждый знал это в своем сердце.

Когда Янь Ся Жун узнал об этом от своего отца, он был потрясен в течение нескольких дней. Он всегда относился с предубеждением к так называемому «таланту» сына семьи Цзи, считая, что это не более чем лестные слова в адрес Ли Го Гуна. Теперь, когда он убедился, что третий сын семьи Цзи был Принцем Цин Луанем, которым он всегда восхищался, он был полностью побежден.

Хотя он знал об этом инциденте, он не имел чести встретиться с господином Цзи. Его отец, Янь Чжи, получил повышение и уже три года работал в столице. В этом году сам Янь Жун получил официальную должность и переехал из своего дома в уезде Синьань, чтобы жить с отцом в столице. До этого Янь Жун никогда не встречался с Цзи Шу Луанем. Позже, по мере приближения поэтического конкурса в семье Цзи разразилась весть о тяжелой болезни младшего сына. Он отказался видеть любых гостей и у Янь Жуна не было шансов.

Как же на самом деле выглядел третий мастер Цзи? Он тоже не знал. От Мин Сюэфэя он услышал лишь несколько хвalebных слов. В его сознании возник образ высокого, светлогокожего красавца с холодным характером. Он также узнал, что его зовут Хун.

Было странно, что принц семьи Цзи внезапно заболел во время недавнего поэтического фестиваля. Никто не знал, что это за болезнь, известно было только, что ее трудно вылечить. Еще более странно то, что Ли Го Гун не поспешил обратиться за медицинской помощью, он по-прежнему использовал тот же медицинский персонал, что и раньше. Казалось, он не торопится. Лишь позже император узнал об этом и приказал набрать в столицу известных врачей, из-за чего особняк Ли Го Гуна выглядел как обитель тяжело больного.

Но после трех или двух месяцев лечения один за другим знаменитые врачи были изгнаны из дома. Внезапно в доме Ли Го Гуна снова стало тихо. Даже император перестал задавать вопросы, как будто ничего не произошло, за исключением быстрых лошадей, которые время от времени появлялись и исчезали из резиденции.

Янь Жун спросил отвергнутых знаменитых врачей, и один сказал, что третий мастер Цзи потерял свою энергию ян, двое - что он потерял свою сущность инь. Трое из них видели, как он кашлял кровью в своей постели и падал на пол. Другой сказал, что он задыхался как бык, а его конечности были холодны как лед. Они также сказали, что он не сможет продержаться и трех дней. Появились всевозможные странные симптомы, заставляющие людей сочувствовать господину Цзи. Казалось, все болезни мира обрушились на него в одночасье...

Но теперь, не говоря уже о трех днях, прошло три месяца, а третий мастер Цзи все еще очень болен, ни жив, ни мертв. Ни один известный врач не приходил в дом, чтобы лечить его. Это

было чудо.

Янь Жун взял в руки несколько хрустящих арахисов, положил их в рот и снова посмотрел на ширму. Там, за ширмой также находился великолепный молодой человек. Его звали Цзи Хун. Его кожа была действительно белой, а лицо - холодным. Он был высок, как сосна, когда сидел, поэтому он не мог быть маленького роста.

Третий мастер Цзи не умер и не был прикован к постели несколько месяцев подряд. В доме Цзи его лечили без спешки и без паники. Те быстрые конные почтальоны, которые входили и выходили из особняка Цзи, внезапно спокойное отношение императора... У него внезапно появилось лучшее из всех возможных разумное объяснение.

... Может быть, третий мастер Цзи не болен, а сбежал!

Янь Жун несколько раз хлопнул по столу. Цзян Бингжен и остальные были поражены его поведением. Он как раз собирался заговорить, когда несколько орешков в его рту вдруг комком скатились глубоко в горло и застряли в дыхательных путях. Он наклонился и сильно кашлянул, но не только не выкашлял арахис, наоборот, орехи проникали все глубже в его горло.

- Ах...! А-а-а! Помогите, помогите ... - его лицо мгновенно покраснело, рот был широко открыт, руки сжимали шею, глаза выпучились, а на лбу вздулись голубые вены.

Сначала Цзян Бингжен подумал, что он подавился чаем. Но, видя, что ему так больно, что он почти задыхается, он запаниковал и растерялся от страха.

- Брат Янь, что с тобой? Что с тобой?

Более высокий джентльмен рядом с ним охал и ахал и кричал:

- Вызовите врача!

- О-о-о точно, врач, врач! - Цзян Бингжен наконец-то пришел в себя и резко пнул стоящего рядом официанта, - Что ты все еще стоишь здесь, почему бы тебе не бежать за врачом!

<http://bllate.org/book/13608/1206872>